

Александр Бальбердин

Письма Ирине

Роман в письмах

Александр Балыбердин

Письма Ирине.

Роман в письмах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60968807
ISBN 9785005151933

Аннотация

Если дневник священника и догадки ученого совместить с трогательными письмами о любви, получится книга, которую вы держите в руках. Вы можете ее прочитать или поставить обратно на полку – это будет ваш выбор. Однако забыть о ней получится вряд ли. Поскольку такое случается нечасто, чтобы муж в течение нескольких лет писал жене письма, и она разрешила их напечатать. Понимая, что радостью и любовью надо делиться. А если так, то чего мы ждем? Доброго вам чтения!

Содержание

Вместо предисловия	5
Тетрадь 1. В начале	8
Письмо 1. Как мы познакомились	8
Письмо 2. Наше Сретение	14
Письмо 3. Одна маленькая искорка	18
Письмо 4. С легким паром!	20
Письмо 5. Выходи за меня!	24
Письмо 6. Красивая или симпатичная?	27
Письмо 7. Главный дар	30
Письмо 8. Операция «Эвакуация»	35
Письмо 9. Когда не надо ничего выдумывать	38
Письмо 10. Душевное и телесное	41
Письмо 11. Надо подумать	46
Письмо 12. «И будут двое – одна плоть»	53
Тетрадь 2. Первые шаги	56
Письмо 13. Серебряная свадьба	56
Письмо 14. Жизнь как времена года	59
Письмо 15. Листая свадебные фотографии	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Письма Ирине

Роман в письмах

Александр Балыбердин

© Александр Балыбердин, 2020

ISBN 978-5-0051-5193-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

– Интересно, Вы сами понимаете, что тут понаписали?

– *В каком смысле?*

– В прямом! Священник, а пишете о любви!

– *Простите, но что в этом плохого?*

– Вы, правда, не понимаете или прикидываетесь?

– *Я, вообще, не люблю прикидываться.*

А Вы, извините, чего ожидали?

– Ну, написали бы, как правильно креститься или мудрые мысли на каждый день.

– *И Вы стали бы это читать?*

– Стал.

– *А, вот, я вряд ли.*

– Почему?

– *Потому что чужие инструкции никому не нужны.*

– А Ваши письма нужны? Интересно, кто будет такое читать?

– *Знаете, мне это тоже интересно.*

Может, Вы первым и попробуете?

– Все же как-то это странно – священник, и, вдруг, пишет о любви?

– *Странно другое, что Вас это удивляет.*

Разве Христос не учил любить друг друга?

– И все же, согласитесь, письма жене – это так

необычно!

– *Согласен. Только разве это не интересно?*

– Ну, не знаю, не знаю.

– *А Вы узнайте! Давайте, вместе почитаем!*

Тетрадь 1. В начале

Письмо 1. Как мы познакомились

Доброе утро, любимая!

Через несколько часов «Аэробус», взлетев в Домодедово, унесет вас с Настей на солнечный Кипр, а я сижу в нашем дачном домике на Черном озере, смотрю в окно, за которым из-за серых и плотных, словно набитых ватой туч, пытается выглянуть солнце, и скучаю по тебе.

В печке трещат дрова. Что поделаешь, уже второй день на улице не больше 12 градусов. Приходится топить. Если бы ты была рядом, то не сдержалась бы и сказала: «Ничего себе лето!». И поскольку тебя рядом нет, я скажу это за тебя и порадуюсь, что, хотя бы у вас с Настей, лето будет. Помнишь, как мы смотрели прогноз, и он обещал каждый день только солнце и выше 35? Интересно, сбудется ли? Желаю, чтобы сбылось, и вы накупались и назагорались вдоволь. Так, чтобы загара и хорошего настроения хватило на целый год. Уже представляю, как 11 августа на вокзале буду встречать вас, моих «шоколадок».

Знаю, что эти дни пролетят быстро, на одном дыхании. А затем еще две недели и наступит памятный день нашего

серебряного юбилея, до которого, когда-то, казалось, еще, ой, как далеко! Так далеко, что надо еще дожить, а, оказалось, вот он – привет! И мы почти не изменились. То есть, конечно, пережить пришлось немало, и это хорошо – есть что вспомнить. Но, что удивительно, где-то на глубине, кажется, мы все такие же, как и двадцать пять лет назад.

Вот написал эту цифру и вздрогнул – неужели нашей любви уже четверть века? Получается, что я уже дольше живу с тобой, чем без тебя. Если же принять во внимание, что долгое время я жил не своим умом, а чужим – родителей, учителей, армейских командиров – получается, что вся моя взрослая, осознанная, самостоятельная жизнь – это ты.

И вот пошел уже третий день, как эта жизнь меня оставила. Словно, душа отделилась от тела и вместе с вами улетела в теплые страны, а я остался на наших шести сотках. Поливать огурцы, топить печь, стучать по клавишам ноутбука, смотреть сводки теленовостей, слушать «Эхо Москвы» и храп дедушки Гены, который лежит на диване, сопит и видит десятый сон с того момента, как сказал, что выспался и больше спать не будет, да и, вообще, не спал, а только делал вид, что спит.

Как тебя не хватает! Нет, я вовсе не хочу поплакать в жилетку, и мне даже не жаль, что эти несколько дней мы проведем на расстоянии – тем радостней будет встреча. Просто я подумал, что, раз появилось время, и за окном дождь, то «это ж-ж-ж неспроста», и надо вложить все это – и время,

и дождь, и внезапно накотившую грусть – в эти строки, сочиняя которые, я ощущаю твое присутствие.

Вспоминаю день, когда мы познакомились. Это случилось в сентябре 1987 г. на уборке урожая в Арбажском районе, когда я по поручению комитета комсомола пединститута объезжал студенческие отряды. Почему-то пришло в голову, что это был конец недели, пятница, а, если так, то это случилось 11 сентября, на Усекновение главы Иоанна Предтечи. Примечательный, надо сказать, день. Если бы кто-то тогда сказал, что спустя пятнадцать лет мы переедем в дом на улице Пятницкой и будем жить рядом с Предтеченской церковью, где я буду служить священником, а ты работать в церковной лавке – это показалось бы мне невероятным приключением.

Впрочем, так и произошло – наша жизнь и, правда, стала таким приключением. Но тогда все было иначе. Более того, нам еще только предстояло встретиться, и, страшно подумать, что этой встречи могло бы не произойти, или же, столкнувшись лицом к лицу, мы не увидели бы друг друга. Но, к счастью, случилось иначе.

Мы встретились в Шембети, маленькой деревушке, проезжая мимо которой я всегда шлю поклон зданию местной школы, где квартировал ваш стройотряд. Попутка выбросила меня на Яранском тракте, от которого пришлось идти с четверть часа пешком. Плюс заглянуть еще в один отряд, где меня заставили поужинать и сыграть на гитаре пару песен. Поэтому, когда я добрался до вашей школы, день уже

начал клониться к вечеру, и я спешил. Может, именно поэтому я почти ничего не помню, кроме темной, шевелившейся и гудевшей на разные голоса толпы, и среди них тебя.

Ты была особенной. После рабочего дня, в легком домашнем халате ты сидела на краю кровати и расчесывала волосы, но делала это совсем не так, как другие девчонки, а неуволимо иначе. Словно все они были «барышнями – крестьянками», а ты принцессой, волей судеб, оказавшейся среди них, но принадлежавшей совсем другому кругу и миру.

Твоя интонация была другой, и этого, конечно, я не мог не заметить. Как и того, как по-домашнему тепло и женственно дышит твоя грудь под тонкой тканью халата, а глаза улыбаются и смотрят по-девичьи чисто, спокойно и ласково. Ты была другой, и все в тебе было другим. Ты была особенной и остаешься такой по сей день, и я жалею только об одном – о том, что, вернувшись в город, не сразу тебя нашел. Тогда наша любовь и наша семья были бы старше на полтора года.

Еще полтора года любви! Давай не будем вычеркивать их из нашей жизни. Потому что сегодня я понимаю, что полюбил тебя именно тогда, тем сентябрьским вечером. С первого взгляда и первой улыбки. Хотя был слишком самонадеян, тщеславен и глуп, чтобы признаться.

Впрочем, что тогда я мог знать о любви, которая представлялась мне лишь приятным бонусом к обычной жизни, полной земных планов и забот? А планов было громадье! Я

недавно вернулся из армии, и потому многое пришлось начинать, как говорится, с чистого листа, в том числе в личной жизни. Недолго думая, я пошел по старым адресам и лишь через год смог понять, что «Жанетта, Жоржетта и Анетта», как не ждали меня прежде, так и сейчас мне не рады.

Помню, как через месяц или другой после той первой встречи, судьба снова свела нас в старом корпусе пединститута, на втором этаже, у дверей библиотеки. Ты была не одна, с лучшей подругой Наташей Шутович, которая без умолку говорила. О чем? Не помню. Видимо, Бог закрыл мне уши. Да я и не слушал. Хотя старался ничем не огорчить твою подругу и потому делал вид, что весь во внимании.

На самом же деле, краем глаза, все это время я смотрел на тебя. Точнее, любовался тем, насколько красиво и выразительно ты молчала, и вдруг почувствовал, что мы молчим вместе так, словно уже давно знакомы. Как будто, шли по коридору, встретили твою подругу и вот стоим, слушаем ее веселое щебетание и делаем вид, что оно интересно, а, на самом деле, ждем, когда останемся вдвоем, что и надо влюбленным.

Наташка сказала что-то смешное. Мы рассмеялись и, когда наши глаза на секунду встретились, я каким-то седьмым, пока еще неизвестным науке чувством понял, что ты тоже не против такой развязки этой встречи. Но тут Наташка вспорхнула с подоконника и, захватив тебя с собой, улетела в библиотеку.

Жаль! Потому что еще минута, другая, и наша любовь могла бы стать старше! Впрочем, может, я ошибаюсь, и ты не придавала той встрече никакого значения. И все же знай, что, по крайней мере, для меня она стала важной. Иначе, как знать, может, год спустя я так и не решился окликнуть тебя на улице у кинотеатра «Мир». Но это уже совсем другая история, о которой я напишу завтра.

Р. S. Уже третий час вы в небе. Наверное, где-то над Средиземным морем. Скоро самолет будет снижаться. Затем самый волнующий момент – посадка. Помню, когда пять лет назад мы приземлились в Париже в аэропорту Шарля де Голля, весь самолет аплодировал, и мы тоже. Вот и сейчас я сижу и жду, когда от вас придет смс-ка с коротким, но таким долгожданным: «Прилетели. Все в порядке».

Р. Р. S. Ну, вот! Наконец, получил сообщение от Насти: «Папуль! Все хорошо! Это особые ощущения. Нереально круто! Я справилась. Мчимся за чемоданами. Целуем. Мама держалась». Слава Богу!

27 июля 2014

Письмо 2. Наше Сретение

Радость моя!

Вот и новый день. Точнее, вечер. Днем мы с папой ездили в Котельнич и, наконец, у меня появилось время написать новое письмо. Догадайся, что я сделал? Я взял ноутбук, очки, наш белый садовый стул и уселся прямо под яблоней. Так чтобы видеть входную дверь и солнце, которое впервые за несколько дней садится не в тучу, даря надежду на солнечное завтра. А я вспоминаю тот вечер и ту встречу, с которой когда-то мы согласились вести отсчет нашей любви.

Это случилось вечером 15 февраля 1989 года, на праздник Сретения Господня, название которого означает встречу, но тогда мы об этом не знали. Мы встретились у кинотеатра «Мир», название которого по-гречески звучит «Айрин» – «Ирина», но на это я обратил внимание только вчера, когда писал первое письмо.

Была среда. Пять или шесть часов вечера. Стемнело. Крупными хлопьями падал снег. Я шел по улице Ленина, с тортиком в руке, на встречу нашего ОСиПа (отряда студентов и подростков), и вдруг, на перекрестке с улицей Коммунистической, ныне Орловской, увидел тебя.

Ты шла мне навстречу в легком зимнем пальто, бодро и легко, заснеженная, юная и красивая. Но – о, ужас! – ты бы-

ла не одна, а с высоким молодым человеком. Сегодня в этом месте я ставлю всего лишь один знак восклицания, но тогда, поверь, поставил бы целую кучу – настолько я был ошарашен и потрясен.

Все, что произошло дальше, от силы, заняло десять или пятнадцать секунд и со стороны могло показаться учтивой и спокойной беседой. На деле же было иначе. Поэтому сегодня я, впервые, по памяти, попытаюсь воспроизвести тот наш разговор, сопроводив его мыслями, что роились в моей душе.

Я: Привет!

Кто с ней? Друг? Жених? А может однокурсник? Какой там однокурсник, если она учится на факультете начальных классов, а там пацанов, отродясь, не было! Ну, что, Балыбердин, получил? А так все хорошо начиналось!

Ты: Привет! Куда-то спешишь?

Я: На встречу стройотряда. Мы тут по соседству собираемся.

А что, если это муж? Ведь, пожалуй, с последней нашей встречи прошел уже целый год. За это время не раз можно замуж выйти! Но, если это муж, почему тогда она со мной заговорила, и так хорошо, так искреннее мне улыбается? Нет! Похоже, что не муж. Ну, тогда еще не все потеряно!

Я: А вы гуляете?

Ты: Да, вот, гуляем.

Как-то она об этом слишком спокойно сказала и даже

не посмотрела на него совсем. Нет, точно, не муж! Похоже, что и не жених. Да она определенно рада меня видеть! Ну, Балыбердин, не тяни, действуй!

Я: Как прошла сессия? Уже вышли на учебу?

Идиот! Нашел, о чем девушку спросить! А парень и, правда, какой-то странный. Может, все-таки однокурсник?

Ты: Нет, у меня сейчас педпрактика, в 52-й школе.

Я: Здорово!

Почему «здорово»? Может, и не «здорово» совсем? И все же, какая она особенная. февральская. Я бы даже сказал, весенняя!

Ты: Мне тоже нравится, и учительница, у которой я практику прохожу, тоже хорошая.

Я: Тогда желаю успеха!

Ты: Спасибо!

И снова, как хорошо, как искреннее она улыбнулась! Как жаль расставаться! И у меня эта встреча отряда, как не вовремя! Может ее пригласить? А куда девать этого долгоязого? Стоит, ногами перебирает, как скакун перед забегом. Что же делать?

Я: Ну, я побегу? Ребята ждут! До встречи!

Ты: Пока и тебе с друзьями тоже хорошего вечера!

Сейчас я улицу перейду и обернусь. Если она тоже обернется, значит, я ей интересен. Тогда завтра же поеду в эту самую 52-ю школу и найду ее, а там – будь, что будет.

О том, что дальше произошло, спустя десять лет Максим

Леонидов споев: «Я обернулся посмотреть, не обернулась ли она, чтобы посмотреть, не обернулся ли я?». Как будто он был свидетелем нашей встречи!

Перейдя на другую сторону улицы, я обернулся, и увидел, что ты тоже обернулась и приветливо помахала мне рукой. Я помахал тебе в ответ. В эту секунду где-то высоко-высоко, в каком-то пока еще неведомом нам измерении что-то произошло. Как будто кто-то перевел стрелку на железнодорожных путях, и соединил наши судьбы. Навсегда.

28 июля 2014

Письмо 3. Одна маленькая искорка

Здравствуй!

Ну, вот и я тоже на Кипре! Жара! Нет, не зря вчера солнце село не в тучу! И вот легким движением той же самой руки, что когда-то нас соединила, Вятка превратилась в Кипр, Черное озеро – в Средиземное море, елки в пальмы, наш сад в пляж, а я, должно быть, скоро превращусь в курицу-гриль. Если через не слезу с поставленного посреди садового участка стула, и не спрячусь в дом. Как вы там, мои хорошие? Есть ли, где спрятаться от кипрской жары?

Вчера вспоминал, каким было наше Сретение. Быть может, кто-то скажет, что все это похоже на кино, в жизни так не бывает, в ней все намного прозаичней – шел, увидел знакомую девушку и перекинулся с ней парой слов. Да, бывают и такие встречи. Только, что буднично начинается, также буднично и заканчивается. В то время как настоящая встреча – это всегда маленькое чудо. В ней обязательно присутствует нечто неземное и волшебное, какая-то искра Божия, от которой и загорается пламя настоящей любви.

Это уже затем, позже, влюбленные могут раздуть это пламя в пожар страсти, зажечь домашний очаг, превратить его в огонь маяка, способный светить даже в самый сильный шторм. Причем, не только им одним, но и другим людям.

Вот что может всего лишь одна маленькая искорка! Однако, если ее нет, то не будет и ничего остального. Потому что, сколько не дуй на полено, вынуженное из давно погасшего костра, оно не разгорится.

Поэтому, когда я написал, что в тот февральский вечер кто-то передвинул стрелку на наших путях, в моих словах не было преувеличения. Поистине, так оно и случилось! Потому что, когда ты обернулась и помахала мне рукой, я всем своим существом ощутил, как между нами проскочила та самая искра, из которой затем родилось все, чем мы живем и дышим.

Жалею ли я о чем-то сегодня, спустя четверть века после той судьбоносной встречи? Да, представляешь, жалею! О том, что, когда наши глаза встретились, я должен был крикнуть, что люблю тебя, но не посмел. Поэтому, чтобы, хотя бы задним числом, исправить эту досадную ошибку, прямо сейчас я встану со стула, наберу в легкие больше воздуха и крикну на все сады. Так громко, чтобы на далеком, расплавленном от жары Кипре ты смогла меня услышать:

«Я люблю тебя, Иришка!».

29 июля 2014

Письмо 4. С легким паром!

Представив, какими, по возвращении с Кипра, вы будете красивыми и загорелыми, я тоже решил не отставать – разложил на садовой лужайке стул и подставил грудь лучам палящего солнца. Кстати, того же самого, которое сейчас утюжит Кипр, пляж Лимассола и вас на нем. Ох! Мне хватило полчаса, чтобы убежать в спасительную тень. Как вы там это выдерживаете? Не обгорели? Помнишь, как в Евпатории мы «жарили» капусту на обгоревшей Насте? Надеюсь, что до этого не дойдет. Берегите себя!

Вчера, засыпая, вспомнил о том, что до встречи у кинотеатра «Мир» мы несколько раз, мельком, виделись на репетициях институтского хора. Помнишь?

Пединститут, ты на-а-ш отец!

Ты связь времен и поколе-е-ний.

Единство судеб и сердец.

Тебя венчает имя Ле-е-нин!

Помню, как на одной из репетиций, стоя на станках, я активно искал тебя взглядом и, когда нашел, чуть было, не рухнул на пол вместе со всеми баритонами, которые, как и я, не столько пели, сколько шныряли глазами по сторонам, разглядывая девчонок. Но ты так и не посмотрела в мою сторону. «Эх, дороги! Пыль да туман!».

Спустя пару месяцев наш хор выступал на сцене областного драматического театра в концерте, посвященном Дню Победы. В ожидании выхода на сцену, мы с Игорем Хоробрых прогуливались по коридору и за очередным поворотом неожиданно столкнулись с тобой и вездесущей Наташей Шутович.

Не успел я прийти в себя, как Гоша, который, как ты помнишь, сильно заикался, без малейшей запинки выпалил: «Привет, девчонки!» и тут же начал куда-то вас зазывать и приглашать так, словно вы были давно знакомы. Не помню, удалось ли вам о чем-то договориться, но лично я сделал для себя примерно такой вывод: «Шурик! Пока ты спасаешь от влияния улицы трудных подростков, другие времени не теряют. Смотри, чтобы не остаться в одиночестве!».

Отчего же я не перебил друга и не пригласил тебя на свидание? Может, потому, что кто-то другой шепнул мне на ухо: «Ничего, ничего! Вот этим летом съездишь в стройотряд и уже тогда...». Или, вернувшись из армии, я еще не обошел все старые адреса, и сердце было все еще занято очередной несбывшейся надеждой? Или потому, что нас позвали на сцену? Не помню. Но факт остается фактом – эта мимолетная встреча так и не переросла в нечто большее.

Наверное, так и должно было произойти, чтобы следующей зимой, встретившись на заснеженном перекрестке, мы оба захотели оглянуться и помахать друг другу рукой. Так или иначе, но именно с этого момента я начал действовать,

бороться за нашу любовь. Причем с такой прытью, которой сам от себя не ожидал.

Не помню, по какому поводу, а, может, и вовсе без повода, на следующий день после той исторической встречи мы с однокурсниками пошли в баню у Центрального рынка. Была у нас такая традиция. Напарившись и накупавшись, весь такой чистый и лучистый, я вышел на крыльцо заведения и увидел, как к остановке подъезжает 38-й автобус. Прыгнув в него с разбега и заняв место у окна, уже через пару остановок я понял, что вряд смогу выйти, по крайней мере, до ЦУМа. Так сильно он был утрамбован.

Возможно, случись это после лекций, тогда, уставший и раздраженный, я начал бы решительно прокладывать путь к выходу. Однако ныне ситуация была другой. Я ехал после бани, согретый мятным чаем, благостно настроенный, и мысль о том, что из буддистского монаха я должен буду превратиться в нападающего сборной Англии по регби, ничуть не грела. Добавь к этому яркое февральское солнце, которое светило совсем по-весеннему и через пару остановок совершенно разморило меня, сидящего у окна в теплой искусственной шубе и зимней шапке.

«К чему торопиться? До ЦУМа? Так до ЦУМа!» – подумал я, и в то же мгновение меня пронзила мысль, от которой я, чуть было, не подпрыгнул. Я вспомнил о тебе! Нет! Со вчерашнего вечера я ни на секунду не забывал ни о тебе, ни о твоём долговязом спутнике и, возможно, во сне даже

грозил ему кулаком. Но теперь у меня родился план!

Я вспомнил, что ты проходишь практику в 52-й школе, а мой автобус идет именно туда, на проспект Строителей. «Ну, вот и прекрасно! – думал я. – Если повезет, встречу Ирину и хотя бы узнаю, что за тип вчера ее провожал?». И, чем дальше я ехал, тем больше мое сердце наполнялось надеждой.

Подъезжая, я был уже почти уверен, что ты неслучайно назвала номер своей школы. «Видимо, Ирина, надеется, что я приеду и найду ее!», – заключил я, входя в фойе, и только тогда заметил, что рабочий день уже давно окончен, и в школе нет ни детей, ни учителей. «Ничего, ничего! Практиканты часто остаются после уроков. Может, Ирина тоже задержалась, и нам удастся поговорить?», – попытался я себя ободрить. А дальше произошло еще одно чудо, но о нем я расскажу завтра.

30 июля 2014

Письмо 5. Выходи за меня!

Продолжаю.

Побродив по пустой школе, я собрался уже идти домой. Как вижу – из другого конца фойе, не спеша, идет женщина, примерно пятидесяти лет, с портфелем в руке. Решив, напоследок, попытать счастье, я спросил: «Моя знакомая Ирина, студентка факультета начальных классов, проходит здесь практику. Не подскажите, где я могу ее найти?». На что женщина ответила, что она и есть та самая учительница, с которой ты работаешь, и что сейчас ты закрываешь кабинет и скоро пойдешь домой. Что и произошло – не успела она об этом сказать, как я увидел тебя, идущую нам навстречу. Разве это не чудо? Но оказалось, что настоящие чудеса впереди.

Ты была восхитительна – юна, свежа, доброжелательна и, как показалось, рада меня видеть. Помню, ты спросила, как я тебя нашел, и в ответ я сморозил какую-то глупость, вроде: – Друзья попросили купить воздушных шариков. Я поехал за ними в магазин «Товары для молодежи», и, приехав (это на другой-то конец города) вспомнил, что твоя школа недалеко.

– Вот и хорошо! – ответила ты. – Сейчас я сдам на вахту ключ от кабинета, и мы вместе пойдем в магазин за шариками.

– Отлично! – воскликнул я, удивившись, что ты поверила моим словам.

Ты упорхнула, а я остался с наставницей, которая, проводив тебя взглядом, заметила:

– Какая хорошая девушка Ирина! – После чего произнесла слова, от которых я, чуть было, не впал в кому. – А Вы знаете, что летом она выходит замуж?

Когда, спустя минуту, ты вернулась с вахты, я смотрел на тебя уже совсем другими глазами – глазами малыша, у которого в разгар праздника отобрали самый красивый и быстрый паровозик.

Дорогу до магазина я не помню. Мы о чем-то болтали, и я, скорее всего, нес какую-то чушь про шарики. Я даже не помню, купили мы их или нет. И все же, где-то на глубине души теплилась надежда, что наставница что-то напутала. «Если Ирина выходит замуж, – думал я, – то почему со мной она так приветлива? Какие-то нескладушки получаются!».

Поэтому, когда в автобусе, наконец, мы оказались вдвоем и так близко друг к другу, что могла закружиться голова, я спросил, что называется, в лоб:

– Учительница сказала, что летом ты выходишь замуж. Наверное, за того долговязого, с которым вчера я тебя встретил?

Ты засмеялась, сказав, что теперь понятно, почему мое настроение так резко переменялось, и что вчерашний знакомый тут совершенно не причем.

– Тогда за кого? – не унимался я.

Ты улыбнулась.

– А вот об этом надо еще подумать.

И тут я выпалил первое, что пришло в голову.

– Выходи за меня!

Это было сказано, хотя с улыбкой, но совершенно серьезно, как говорится, в здравом уме и светлой памяти.

– Тогда нам надо познакомиться поближе, – неожиданно предложила ты.

– Без проблем! – Я едва сдержал желание закричать на весь автобус. – Тогда в шесть вечера встречаемся в кафе «Полянка». Там и познакомимся. Идет?

И ты согласилась!

Ошарашенный открывшимися перспективами, с трудом владея собой, я вышел на остановке у Театральной площади, а ты поехала в Чижи, чтобы выдать стипендию однокурсницам и была... оштрафована кондуктором, так как забыла оплатить проезд. Впервые и единственный раз в жизни. Когда вечером ты показала мне выписанную кондуктором квитанцию, я понял – это взаимно. Мы любим друг друга! Купидон не только не промахнулся, но умудрился пронзить нас одной стрелой. И так, пронзенные одной стрелой, мы живем уже двадцать пять лет.

И это самое главное чудо!

1 августа 2014

Письмо 6. Красивая или симпатичная?

Если бы ты знала, как радуют меня забавные смайлики, которыми ты заканчиваешь свои смс-ки с Кипра. Вроде бы, пустяк, а приятно. Может быть, потому что в этих смешных рожицах нет никакого пафоса, которого мы оба не любим.

Правда, если быть точным и употреблять греческое слово «*pafos*» в его изначальном смысле – «страсть», то страсти в них, хоть отбавляй. По крайней мере, я чувствую это весьма остро и сожалею, что сам не могу порадовать тебя какой-нибудь смешной рожицей. Впрочем, надо бы поковыряться в моем стареньком телефоне. Вдруг и он полон этой желтой ребятни?

Писал об этом и вспомнил случай, который имел место в самом начале нашего знакомства и уже давно стал в нашей семье, что называется, притчей во языцех. По крайней мере, ты с завидной регулярностью о нем вспоминаешь.

Однажды, уже не помню при каких обстоятельствах, я назвал тебя красивой, а затем, подумав, добавил, что правильнее было бы сказать – не красивая, а симпатичная. Господи, помилуй! Разве можно говорить нечто подобное юной, впечатлительной и, действительно, красивой девушке! Ведь после такого ляпа, неловко слетевшего с языка, бывает, распадаются не только семьи, но целые государства. Если, напри-

мер, жена из другого племени.

Бывает, что даже горячо любящие люди не всегда могут точно описать и выразить свои чувства, чтобы, не дай Бог, между ними не прошла трещина, которая с годами способна превратиться в пропасть. Особенно, опасны в этом отношении первые дни и недели, когда влюбленные еще только узнают друг друга. Какое счастье, что тебе всегда хватало ума и терпения, чтобы покрыть мои благоглупости любовью! Тем более что, я вовсе не хотел сказать о том, что ты некрасивая.

Солнышко мое! Возможно, степень развития моего эстетического вкуса и не так велика, но, поверь, вполне достаточно для того, чтобы, выбирая спутницу жизни, я помнил о красоте. Назвав тебя симпатичной, я имел в виду нечто другое, а именно то, что подлинная, объективная красота – не от мира сего, а Божья. Так, читая Евангелие, нельзя не поразиться тому, насколько красив Христос, или, вглядываясь в созданный Богом мир, не заметить, что он также объективно красив – восход солнца, осенний лес, лазурное море, плывущие по небу облака и т. д.

Что же касается человеческих суждений – о красоте или чем-то еще – то они всегда субъективны, поскольку выражают мнение субъекта. Так у некоторых африканских племен принято считать красивой женщину, тело которой испещрено татуировками или специально сделанными шрамами, а в нижнюю губу вставлена деревянная тарелка. Причем,

чем эта тарелка больше, тем эта женщина будто бы более красива. Жуть!

Из чего можно заключить, что все наши суждения о красоте не только глубоко субъективны, но также рассудочны. Прости мне это сравнение, но, называя женщину «красивой», мужчина словно говорит: «Я полазил по тебе взглядом, мысленно приложил линейку и транспортир, измерил твои формы штангенциркулем и, согласно полученным данным, хотя и с натяжкой, все же могу назвать тебя красивой».

Будь я женщиной, услышав такое, непременно засветил бы этому умнику тем, что ближе лежит. Поскольку такой женщиной, как машиной, квартирой или другой красивой вещью можно любоваться или владеть, но не более того. В то время как симпатия связана с сердечным расположением к человеку, и с симпатичной женщиной хочется разделить жизнь и судьбу. Что я с удовольствием и делаю.

Р. С. Какой удар! Только что из выпуска новостей узнал, что ваш туроператор «Лабиринт» объявил о своем банкротстве, из-за чего тысячи туристов остались за рубежом, практически, без средств! Вот тебе, бабушка, и Ильин день! Что теперь будет с вашим отдыхом? Впрочем, отставить панику! Начинаю действовать. Держитесь!

2 августа 2014

Письмо 7. Главный дар

Начинаю потихоньку приходить в себя после последних суток, которые, как в зеркале, отразились в нашей смс-переписке. Если ее опубликовать, то вывод можно сделать такой:

«Дорогой друг! Если ты собрался отдохнуть за рубежом, пусть даже не дикарем, а по путевке, заранее все оплатив и получив все необходимые документы с самыми красивыми подписями и печатями, знай, что все это в любую секунду может накрыться медным тазом и, кроме родных и друзей, никто тебе не поможет. Поэтому имей или сто друзей, или сто тысяч рублей, за которые кто-то будет решать твои проблемы. А еще лучше – рассчитывай только на себя и планируй только то, что можешь сделать сам».

Надеюсь, что, когда, через несколько дней, вы вернетесь домой, мы соберемся всей семьей за столом и вспомним пережитое, мешая слезы с вином и дружным смехом. Пока же все, чем я могу вас порадовать – это новость о том, что сегодня в Ростуризме состоится какое-то очень большое совещание, после которого будет больше ясности с вашей «эвакуацией» из Лимассола. И да, я не оговорился – «эвакуацией»! Именно так это называется на сайте ассоциации «Турпомощь», где сегодня я зарегистрировался и составил две заявки на вашу «экстренную эвакуацию».

Вчера, размышляя о красоте и симпатии, я писал, что

это разные вещи: если красота выражает оценку, то симпатия – отношение. Поэтому назвать женщину «красивой» – еще не означает высказать к ней свое расположение. Красивая – еще не обязательно любимая. Но, если мужчина говорит, что женщина ему симпатична – она или уже любима, или будет любима, и он хотел бы разделить с ней свой жизненный путь. Собственно, именно это и означает, в переводе с греческого, слово «симпатия» – «соотранствие», «сопутешествие». Получается, что, назвав тебя симпатичной, я пытался сказать, что хочу тебе «сопутешествовать», прожить эту жизнь вместе с тобой.

Думаю, один из самых главных твоих секретов состоит именно в симпатичности – искренности, душевной теплоте, открытости и сердечности, что не может не вызвать симпатию, не может не располагать. Ты смотришь человеку в глаза, и он не отводит взгляда. Ты улыбаешься, и в ответ ему тоже хочется улыбнуться. Поэтому, встретив тебя на улице, хочется отложить все дела и пойти рядом – по улице, городу, жизни. Что со мной и произошло.

Это дано не всем. А раз так, значит – это дар. Возможно, кто-то назовет его «даром женственности» и будет по-своему прав. В этом смысле ты женщина – на все двести процентов. Однако, известно, что этот дар дан не всем. Встретив иных женщин, в том числе тех, кто считает себя красивыми, хочется обойти их стороной.

Другие назовут это «даром материнства», и в этом смыс-

ле ты – «мама, мамочка, мамуля» также на двести процентов. Неслучайно дочери любят тебя так сильно и плотно, как плотно подогнаны друг к другу каменные блоки в египетских пирамидах, между которыми не просунуть даже лезвие ножа. Поэтому, когда мне все же удастся «просунуться» между вами, я счастлив и этого не скрываю. Но к дочкам не ревную. Ведь они и мне – родные души.

Подобным же образом любят тебя ученики, которые, увидев тебя в школьном коридоре, готовы нестись навстречу с криками радости, висеть на тебе гроздьями и, без умолку, болтать, о чем попало. Поэтому я также называл бы этот дар «даром педагога», и в этом смысле ты – учитель также на двести процентов, высшей категории, что, к слову, подтверждено официальными документами. И все же таковы далеко не все учителя. Как женщины могут быть красивы, но не симпатичны, так и учителя могут быть рассудительны и умны, но нелюбимы.

Вот мы и подошли к главному. Думаю, не ошибусь, если предположу, что все описанные выше дары служат проявлениями другого, еще более важного и возвышенного дара, которым щедро наделил тебя Господь – дара Любви. Не иначе как Самим Богом данной тебе способности любить – жизнь, маму, меня, дочек, учеников, подруг и коллег и даже недоброжелателей, которые есть у каждого человека.

Почему так щедро одарил тебя Господь? Этот вопрос не ко мне. Так было Ему угодно. Может, потому, что с дет-

ства ты посещала храм и, стоя на клиросе, по-детски искренне молилась Богу, Который не мог не услышать молитв ребенка, чья жизнь была не такой благополучной, как у других сверстников. Конечно, все это лишь догадки, и спрашивать об этом надо не у меня. Мне же вполне очевидно, что, поскольку настоящая Любовь от Бога, то и наполнить тебя такой Любовью мог только Он.

Пожалуй, пришло время признаться в том, что в моем лице тебе достался, к сожалению, не самый щедрый на любовь человек. В том числе потому, что трудно научиться любить тому, кто сам жил благополучно. Не зря сказано, что «Трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19, 23) – богатому не только деньгами, но, вообще, любым благополучием.

Конечно, родители старались меня не баловать. Сами много работали, и меня также заставляли учиться, постоянно расширять кругозор, узнавать новое. Говорили со мной о любви к Родине, учебе, работе, спорту, театру или культуре, и сами показывали в этом пример. Внимая всему этому, я вырос умным, способным и деятельным, но не щедрым и таким достался тебе. А дальше произошло чудо – Бог соединил нас и сказал: «А теперь будем учиться!». И мы стали учиться. Не могу сказать за тебя, но лично мне пришлось многое понять и переосмыслить.

Помню, как в начале нашего знакомства, мы по телефону договаривались о встрече, и я все никак не мог найти для нее время, так как уже тогда мой ежедневник на две недели

вперед был исчеркан разными делами. Тогда я сказал что-то вроде: «Понедельник – это слишком близко. Во вторник у меня целый день – лекции. В среду – встреча в „Эвересте“. В четверг мы с друзьями идем в баню. Давай попробуем встретиться в пятницу. Вроде пока я свободен. Впрочем, если что, я перезвоню». Словно, ты хотела записаться ко мне на прием, а я все никак не мог выкроить для этого время.

Сегодня я удивляюсь тому, как тебе хватило терпения и такта, объяснить мне, молодому и уже почти безнадежному бюрократу, что нельзя любить по расписанию. Любовь не может стоять в очереди. Ее нельзя, как задолженность, гасить по частям, или, как лекарство, принимать маленькими, гомеопатическими дозами. Любовь – не кушетка, на которую приятно присесть в свободное время, а основание, фундамент всей жизни. Неслучайно Апостол наставляет: «Все у вас да будет с любовью!» (1 Кор. 16, 14). И это не просто призыв к благочестию, а строгое предупреждение о том, что без любви ничего не «будет», ничто не получится таким, каким вы это задумали. Без любви все станет ничем, и сам человек тоже.

Таково христианское понимание любви, и ты терпеливо учила меня ему день за днем, год за годом. Пока я не начал в этом что-то понимать. О, как это было нелегко! Ведь тебе попался весьма упертый и самонадеянный тип.

4 августа 2014

Письмо 8. Операция «Эвакуация»

Ура!

Наконец, наметились перспективы вашего возвращения в Россию. Вчера, точнее уже сегодня, в первом часу ночи, удалось дозвониться до «Турпомощи», и оператор подтвердил, что пока мы все делаем правильно – вы включены в списки «экстренной эвакуации», и сегодня должен решиться вопрос о том, когда, откуда и как вы сможете попасть на борт. Работаем дальше! А я продолжаю вспоминать о том, как ты учила меня любить.

Помню, как в самом начале нашего знакомства, мы договорились встретиться у магазина «Колобок», рядом с Театральной площадью. Как старший сержант запаса, я пришел несколькими минутами раньше. «Точность – вежливость королей!» – любил говорить мой папа. Почему? Потому что король вправе приходить в любое время и, если приходит вовремя, то тем самым выражает уважение к участникам встречи. Мне также нравится это выражение. Поэтому я и сам стараюсь не опаздывать, и от других ожидаю того же. Но ты преподнесла мне еще более важный урок.

Прождав на остановке с полчаса и пропустив за это время с десятков автобусов, я уже решил, что ты не придешь и, конечно, расстроился. Это сегодня, чуть что-то не так, мы

хватается за телефон и начинаем названивать по знакомому номеру «до победного». Но в 1989 году мобильных еще не было, и я уже начал строить догадки, чем мог тебя обидеть? Как вдруг около остановки лихо притормозила желтая «шестерка», и из нее вышла ты, вся такая спокойная и радостная, и, прочитав в моих глазах немой вопрос, спросила, почему я такой грустный?

Хорошо, что папа учил меня не только не опаздывать, но и владеть собой. Уже не помню, что я ответил, но навсегда запомнил одну простую и, как оказалось, важную для семейной жизни мысль – мало ли, какие у тебя были правила и принципы, но теперь, когда ты не один, придется их скорректировать. Конечно, если хочешь быть с любимой. Ведь, по сути, вам предстоит вместе стать одним, новым человеком, и, если вы не хотите, чтобы он, как больной шизофренией, сам в себе разделился, значит, придется забыть о своих принципах и выработать «общие».

Спасибо за урок!

Р. С. Наконец, ситуация с вашим вылетом прояснилась! Ощущение такое, словно, увидел свет в конце туннеля. Произошло это, когда мы с певчими возвращались из Никульчино, после всенощного бдения на память святых Бориса и Глеба. Позвонила Надя Шаповал и сообщила, что вы вылетаете из Ларнаки спецрейсом завтра в 9 часов вечера. «Операция эвакуация» вступает в решающую стадию! И это после того, как всего лишь два часа назад очередной чиновник

из «Ростуризма» убеждал меня в том, что вам проще вылететь на свои деньги, а затем вернуть их через страховую кампанию. Так устал, что даже нет сил, это комментировать. Иду спать. Утро вечера мудренее. Помогите вам, Боже!

Р. Р. S. Не писал двое суток, так как не мог думать ни о чем другом, только о вашем возвращении. И вот сегодня в 6.23 от тебя пришла смс-ка «Ура! Мы прилетели! Проходим контроль. Передай всем нашим. Целуем!». Сразу возникло желание переложить на бумагу все сто сорок смс-ок, которыми за эти дни мы обменялись. Отродясь, столько не писал! Но, когда снова их перелистал, понял, что делать этого не хочу. Слишком свежи переживания.

Сейчас вы в Посаде у Брусовых, которым, скорее всего, достанутся самые свежие и яркие впечатления от вашей поездки. Но, может, это и хорошо? Потому что утром, поговорив с тобой по телефону, я не только ушами, но и сердцем услышал, как ты устала. Поэтому, прошу, не спешите! Отлежитесь, отоспитесь, выпустите пар, посидите за столом, наговоритесь вдоволь, а мы с Сашей будем готовиться к встрече, долгожданной и радостной, как ваше возвращение.

5—7 августа 2014

Письмо 9. Когда не надо ничего выдумывать

Здравствуй, Солнышко!

Люблю так тебя называть. Потому что нет счастливее минут, когда ты улыбчива и приветлива. Как солнце. Особенно, в те мгновения, когда оно выглядывает из-за горизонта, словно рождается из утробы матери-земли.

Как рождение ребенка – чудо, так и каждый рассвет – тоже маленькое чудо. Еще за несколько минут до него алеет весь горизонт, и не понятно, где пробьется первый луч. Если же он подернут дымкой, то кажется, что вовсе не увидишь восход. И вот наступает момент, когда и ветер, и птицы – все на мгновение замирает, и где-то далеко – далеко появляется маленькая красная точка и начинает расти, увеличиваться в размерах. Словно кто-то огромными руками собирает алую полосу в большой ком, который постепенно растет, наливается в огромное спелое яблоко и, наконец, оторвавшись от поверхности земли, начинает движение по небосводу, а ты, как ребенок стоишь, разинув рот, и глядишь на эту красоту.

Как ты уже поняла, пишу об этом потому, что не утерпел. Словно какая-то неведомая сила подняла меня сегодня ни свет, ни заря и привела в Александровский сад, а дальше все

произошло так, как описал выше. При этом подумалось, что чувство, которое четверть века назад посетило и захватило нас, также было похоже на рассвет, и вот почему.

Когда наблюдаешь за рождающимся солнцем, не можешь не удивиться тому, что все происходит не по твоей воле. Чтобы солнце взошло, тебе и делать-то ничего не надо. Смотри и радуйся! Также и наша любовь развивалась настолько естественно, что, казалось, будто кто-то все делает за нас.

Хорошо помню это ощущение. Весьма необычное, поскольку опыт прежних моих встреч и знакомств был другим. Каждый раз, для того чтобы завоевать, а затем удержать внимание девушки, мне приходилось что-нибудь выдумывать. Только, сколько бы я не старался, отношения не складывались, не развивались. Но я продолжал названивать и приходить в гости, по привычке ли или из чувства долга, до тех пор, пока, кроме него, в душе ничего не оставалось. Помню, как однажды, я ехал в лифте, на очередное свидание, и вдруг остро почувствовал всю ложь этой ситуации. Немного постояв у квартиры этой девушки, которая сейчас уже бабушка, я не стал звонить в дверь, развернулся и сбежал по лестнице вниз, освободив нас обоих от этой болезненной зависимости.

С тобой было иначе! С самой первой встречи мне не надо было ничего выдумывать и вымучивать! Впервые я почувствовал себя не увлеченным и озадаченным, но любящим и любимым. А раз так, то и устраивать «восход солнца вручную» также было не надо. Повинуясь чей-то, пока еще неве-

домой воле, солнце нашей любви возшло. Ты ответила взаимностью, и это было счастье! Наше счастье!

8 августа 2014

Письмо 10. Душевное и телесное

Воспоминания о нашем первом лете настолько яркие и свежи, что, представляешь, я даже помню, как ты была одета. Помню, как ты встречала меня на вокзале из стройотряда в розовых спортивных тапочках, белой футболке и зеленой юбке, которая весело раскачивалась из стороны в сторону, когда мы, взявшись за руки, шли по мостовой.

Помню, как ты познакомила меня со своей мамой Юлией Григорьевной, которая тогда показалось мне такой взрослой, а ведь ей было всего сорок лет, меньше, чем мне сейчас. Я сидел в большой комнате. Мама вошла, улыбнулась, и я сразу почувствовал себя принятым в вашу семью. «Все! Женюсь!» – пронеслось у меня в голове, и я не ошибся, так как лучшей тещи не найти. Поэтому, когда мужчины шутят про тещу, мне становится неприятно. Конечно, тещи, бывают разные, и все же в этом есть что-то постыдное. Поскольку, если ты любишь женщину, то, как можешь не любить ту, которая дала ей жизнь, вырастила и воспитала?

Помню, как, нагулявшись, мы долго стояли в подъезде, не в силах расстаться. Когда выше этажом хлопала дверь, мы замирали и прислушивались, а соседи, проходя мимо, улыбались и вспоминали, что когда-то они также оттирали стены подъезда, и беседа была настолько горячей, что на следующий день болели губы. Но не от слов, а от поцелуев, которых

ми влюбленные заменяют знаки препинания, и мы не были исключением.

С тех пор, если кто-то заводит разговор о какой-то «исключительно духовной» связи между мужчиной и женщиной, я внутренне морщусь от того, что этот «кто-то» или не знает, о чем говорит, или пытается выдать желаемое за действительное. Поскольку подобная связь была бы возможна только в том случае, если мы были бы существами исключительно духовными, бестелесными, как ангелы. Но это не так. Неслучайно, святитель Иоанн Златоуст заметил, что даже Причастие Тела и Крови Христовых не является чисто духовным переживанием. Чтобы под видом хлеба и вина мы могли ощутить реальность Бога не умозрительно, но также душой и телом, всей совокупностью данных нам сил.

Почему я об этом вспомнил? Потому что одно из самых ярких и глубоких впечатлений от наших встреч состояло в том, что с тобой я обрел полноту жизни, чего раньше со мной не было. Нет! Ты прекрасно знаешь, что я никогда не лежал на печи и не слонялся без дела. Учился в школе и институте, служил в армии, работал в стройотряде, сочинял песни, писал статьи для институтской газеты, фотографировал, играл в КВН. Это было интересно и все же не приносило ощущения полноты бытия. Словно во всем этом участвовала лишь какая-то моя часть. Ощущение полноты жизни пришло именно с тобой и не оставляет меня до сих пор.

Помню, как тем первым летом, я ждал тебя у института и встретил старого знакомого, без пяти минут выпускника, который настолько боялся школы, что хотел лишь одного – остаться в институте, на любой из кафедр. Что и было обещано, если он сдаст «госы» на «отлично». Завтра предстояло сдавать первый из них, и моего знакомого буквально трясло от страха, а я, наоборот, был спокоен.

– Да, что я тебе объясняю! – мой собеседник устало махнул рукой. – Тебе же еще два года учиться! Вот будешь сдавать «госы», и тогда поймешь!

Я ответил, что дело совсем не в этом.

– А в чем?

– Просто, я влюблен. Я встретил замечательную девушку и недавно сделал ей предложение.

Надо было видеть лицо этого несчастного! Он скорбно махнул рукой и выдохнул: «Да, ну, тебя!». После чего с видом приговоренного к смертной казни понуро побрел на свою остановку.

Впоследствии, знакомый, в самом деле, был оставлен на одной из кафедр, довольно быстро защитился и был взят на руководящую работу. Что называется, «пошел в гору» и немало в этом преуспел. Однако сколько бы мне не приходилось с ним пересекаться, ни разу я не видел его счастливым, но всегда озабоченным и недовольным. Как знать? Может, и мой путь был бы таким же. Если бы не наша встреча и общение, благодаря чему я приобрел такую полноту жизни,

дать которую не может никакая наука или карьера, а только одна любовь.

Возможно, скептик скажет, что в этом нет ничего удивительного: «Вы были молоды. Первые свидания, поцелуи, объятия. Было от чего голове закружиться! Вот и забыл про учебу, а ведь это не хорошо! Ай-ай-ай!». Не буду спорить. Все это было впервые, и ты, действительно, была юна, легка и хороша собой, и это, конечно не могло не иметь значения. Однако должен заметить, что, во-первых, ты по-прежнему хороша, а, во-вторых, кровать в нашем доме никогда не была единственным аксессуаром и всегда прекрасно уживалась с кухней и кабинетом, книжными полками, коллекцией любимых фильмов, песен и фотографий – всем, что объединяет супругов.

Помню, как однажды, когда ты была у меня в гостях, и мы, наконец, остались одни, я достал... томик стихов Пастернака и прочитал:

*Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.
Поздно, выплусь, чуть свет перечту и пойму.
А пока не разбудят, любимую трогать
Так, как мне, не дано никому.*

Эти строки все еще отмечены в сборнике, который сейчас, когда я пишу это письмо, лежит на моем столе. Я по-прежнему люблю стихи Пастернака и благодарен за то, что, услышав их, ты не стала наигранно закатывать глаза или ум-

ничать, а просто попросила: «Почитай еще!». В эту минуту я обрел в тебе друга и дорожу этим до сих пор.

В другой раз я повел тебя на «Жертвоприношение» Андрея Тарковского, фильмы которого бесконечно люблю. Пожалуй, одну из самых сложных его картин. Помню, как по ходу сеанса, то там, то здесь зрители выходили из зала, и я боялся услышать от тебя, если не «Мура! Пойдем отсюда», то нечто подобное. Но ты, как настоящий друг, досмотрела фильм до конца и даже похвалила оператора за интересную работу. Чего сам я, признаюсь, не заметил и лишь много лет спустя узнал, что в этом фильме, действительно, есть самая длинная в мировом кино сцена, которая снята одним дублем, чего за счет искусной постановки кадра обычный зритель не замечает. А ты заметила! Поразительно! Тем вечером, я понял, насколько мы близки.

9 августа 2014

Письмо 11. Надо подумать

Сегодня проснулся пораньше, отправил бабушку Юлю в паломническую поездку в Истобенск и примчался домой, чтобы написать тебе пару строк, так как уже завтра вы возвращаетесь.

Честно говоря, садясь за первое письмо, я совершенно не представлял, что из этого получится. Что вспомнится? С какой степенью подробности захочется и, главное, сможет описать события? Да и сколько их будет, этого я также знать не мог. Словом, никакого плана у меня не было. Все рождалось с листа. И вот все, что я смог, все, на что хватило времени – вспомнить первые встречи, из которых, как дерево из семечка, выросла наша любовь. Однако, пора, если не итожить, то хотя бы добраться до дня нашей свадьбы. Ведь именно ради ее юбилея были задуманы эти письма.

Как я уже писал, предложение я сделал еще в феврале, при встрече в 52-й школе, когда твоя наставница, в шутку или всерьез, сказала, что летом ты выходишь замуж. После краткого замешательства – хорошо, что не умопомешательства! – я велел полкам отойти на запасные позиции, произвел перегруппировку войск, подтянул обозы, и затем, как только стало ясно, что все это еще «вилами на воде писано», решительно пошел в наступление, предложив тебе руку и сердце.

Несмотря на то, что все это выглядело весьма необычно,

предложение было сделано всерьез. Ты сказала, что надо подумать, и я, понимая, что мало у кого это случается вот так, на первом свидании, отнесся к твоим словам с пониманием и стал ждать ответа. Однако шли дни и недели, а ты молчала. Наступила весна. Я познакомил тебя со своими родителями, ты меня – со своими, но по-прежнему молчала. Мы впервые поцеловались и стали встречаться уже не раз в неделю, а почти ежедневно, но ты все также не спешила с ответом.

Между тем, приблизилось лето, когда, если верить твоей наставнице, все должно было решиться, и я дерзнул напомнить о своем предложении, но в ответ снова услышал:

– Надо подумать.

Увидев мою расстроенную физиономию, ты улыбнулась и, как-то особенно ласково, по-матерински, произнесла:

– Можно я отвечу через неделю?

– Ну, что же! Лучше маленькое что-то, чем большое ничего, – подумал я и постарался сделать понимающий вид, какой бывает у домашнего питомца, когда хозяин отказывается с ним погулять.

К счастью, молодость отходчива, а любовь понятлива. Вскоре я понял, насколько, с твоей стороны, это было верно.

– Глупец! Ботаник! – ругал я себя. – Разве можно делать столь судьбоносное предложение так буднично? Как будто я предлагал не руку и сердце, а рожок мороженого. Только бы Ирина не обиделась!

Но ты не обиделась, а у меня созрел план, с помощью

которого я надеялся не только исправить свою ошибку, но и услышать желанный ответ. Я пригласил тебя в поход, где на берегу реки Быстрицы, сидя у костра, ночью, под звездным небом, повторил свое предложение и, наконец, услышал, что ты согласна выйти за меня замуж. Скрепив эти слова поцелуем, мы решили, не мешкая, известить о наших планах родителей и подать заявление в ЗАГС.

Реакции папы я не помню, а вот моя мама, врач-невропатолог с тридцатилетним стажем, удивила и даже немного озадачила. Внимательно, выслушав меня, она неожиданно перекрестилась и воскликнула: «Слава Богу! Наконец! А то я думала, что ты никогда не женишься». Почему? Это так и осталось для меня загадкой. Да и ладно! Главное, что все обрадовались нашему решению.

Если не ошибаюсь, в поход мы ходили 3 и 4 июня, которые в 1989 году пришлись на субботу и воскресенье, а в ЗАГС пошли на следующий день 5 июня, забыв, что по понедельникам он не работает. Но мы ничуть не расстроились. «Это даже прикольно, – шутили мы. – Пошли подавать заявление, а ЗАГС закрыт. Потом будем об этом вспоминать, да еще расскажем нашим детям!».

Помнится, только мы отошли от дверей Дворца бракосочетания, как в небе что-то сверкнуло, грохнуло, и начался такой ливень, какого – ни до, ни после этого – больше я никогда не видел. Вряд ли его можно описать хрестоматийной фразой «дождь лил как из ведра». Это было самое на-

стоящее светопреставление! Вода по улице Московской лилась под уклон столь могучим потоком, что, в ожидании автобуса, нам пришлось залезть на скамейку, иначе ноги были бы сырыми по самые уши. Впрочем, так и произошло. Домой мы пришли совершенно мокрыми, но счастливыми и ничуть не жалели о том, что ЗАГС встретил нас закрытыми дверями. Все это было похоже на сцену из старого итальянского фильма о любви, и, порой, мне даже казалось, что фоном звучит музыка. С той разницей, что все это происходило не на экране, а в жизни. Теперь я знаю – так выглядит счастье.

На следующий день, 6 июня мы снова пришли в ЗАГС и подали заявление о регистрации брака. Позволь заметить, что это произошло в день Великорецких торжеств, хотя тогда мы об этом не знали. Свадьба была назначена на 25 августа. Также на август запланировали свои свадьбы Оля Кальсина и Наташа Шутович, а замыкать этот «парад невест» предстояло тебе, что сразу напомнило мне историю про трех подруг из фильма «Москва слезам не верит».

Подготовку к свадьбе помню смутно. Лишь помню, что мы старались все делать вместе. Вместе покупали кольца, ездили за туфлями, выбирали фасон свадебного платья и удивлялись, когда на примерке, увидев тебя, швея счастливо выдохнула:

– Ну, слава Богу! Красивая невеста! А то закройщик снял такие мерки, что я перепугалась, кому такое платье может

быть в пору? Поэтому решила сама вас увидеть и правильно сделала. Теперь будем шить!

И, правда, свадебное платье получилось великолепным. Как ты была в нем хороша! Позже я видел и венчал немало невест, но такого сочетания простоты и элегантности никогда не встречал. А затем в июле, в самый разгар всей этой предсвадебной суеты, я... уехал в стройотряд в поселок Тылай, где меня уже дожидались пять членов комсостава, двадцать трудных подростков и тридцать километров узкоколейки.

В первый же день, по пути на работу, не проехав и нескольких километров, наш вагончик весело спрыгнул с рельсов и, проскакав по шпалам метров сто, перевернулся вверх ногами. Когда это произошло, я стоял в тамбуре, и сам не понимаю, с помощью каких акробатических трюков остался жив. Если бы меня выбросило на шпалы, вагон размазал бы меня, как кусок паштета по корочке хлеба. По большому счету, всем нам несказанно повезло, поскольку вагон сошел с рельсов, в аккурат, между двумя озерами. Случись иначе, мы ушли бы под воду, но Бог милостив, и мы остались живы, только водитель мотовоза сломал руку.

Как потом выяснилось, механик, отправляя в путь абсолютно новый вагон, забыл снять с него какую-то шайбу, препятствующую раскачиванию, из-за чего тот и спрыгнул с рельсов. Конечно, тебе об этом происшествии я ничего не сказал. Проговорился Володя Сизов, наш будущий сви-

детель на свадьбе, который на твой вопрос, как там Саша, ответил:

– Поезд сошел с рельсов, но все живы. Так что не переживай!

Услышав об этом, ты решила меня навестить и приехала в Тылай, о чем мне напоминает выцветшая фотография, на которой ты в футболке, спортивных брюках и сапогах сидишь на бревнах, наваленных около школы, в которой квартировал наш отряд, и даже в этом casual-наряде удивительно хороша. Сама юность!

Помню, как на вокзале нас встретила общая знакомая Таня Пенькова. Впервые увидев нас вместе, она удивилась так искренне и сильно, будто встретила инопланетян.

– Привет! А вы... это... знакомы?

– Да, и скоро у нас свадьба!

– И давно встречаетесь?

– Четыре месяца!

– А не маловато будет? – поинтересовалась Таня, но я смеялся ее таким взглядом, что, не дождавшись ответа, она села в соседний вагон.

Надо ли говорить о том, что все эти полтора месяца я считал дни до нашей встречи. Никогда не забуду, как по возвращении из стройотряда ты встретила меня на вокзале, и мы, перепрыгивая через лужи и держась за руки, весело шли по городу, а на следующий день выдавали замуж Наташу Шувович, на свадьбе которой ты была свидетельницей.

До нашей свадьбы оставалась одна неделя.

P. S. Ну, вот, вроде бы все закончил, все приготовил к вашему возвращению. Прибрался в доме и, как просила Настя, приготовил куриный супчик и пюре. На столе вас ждут огурчики и помидоры с собственного огорода, а также симпатичный красный цветок. Нафильтровал воды, вскипятил чайник, полил цветы, красиво усадил на диване плюшевого мишку. Конечно, это не генеральная уборка, и все же вам будет приятно зайти в прибранную квартиру.

А еще я хочу удивить тебя этими письмами и надеюсь, что ты найдешь время их прочитать и когда-нибудь также позволишь прочитать их нашим дочкам Насте и Саше. Потому что история нашей любви – это также и их история. Неслучайно, когда друзья делали коллаж для нашего свадебного альбома, они изобразили нас в купе поезда с двумя дочками на коленях. И, кажется, я даже могу угадать их имена – Настя и Саша. Получилось?

10 августа 2014

Письмо 12. «И будут двое – одна плоть»

Вчера засиделся допоздна, а сегодня, примерно в половине седьмого во мне что-то пикнуло. Так словно я получил от тебя смс-ку: «Доброе утро! Вставай, соня!». Я открыл глаза и уже больше не смог заснуть. Встал, заправил постель, потрепал Лаки за ухом, сделал зарядку, поставил кофе, окинул взглядом прибранную квартиру и сел на диван в гостиной, чтобы еще раз написать о том, как я люблю тебя и благодарен за все, что с нами было и будет.

«Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое – одна плоть» (Еф. 5, 31). Когда вчера венчал очередную пару и читал эти слова Апостола Павла, вспомнил о нас и подумал, как это верно сказано!

Сказано о том, что настоящая любовь – не захват или завоевание, не механическое подчинение одного супруга другому и не растворение в другом человеке. Иначе Апостол сказал бы: «Были двое». Но он говорит: «Будут двое – одна плоть». То есть, хотя в браке влюбленные становятся одним целым, но при этом каждый из них не теряет своей индивидуальности. Потому что настоящая Любовь – не человеческая, а Божия. Любовь, соединяющая Отца и Сына и Святого Духа таким образом, что все Они составляют Единого Бога, и при этом каждое Лицо Святой Троицы также остается

Богом. Какая во всем этом высота!

Поезд уже близко. Как долго тянулись эти дни, и как быстро они пролетели! Как радостно было вспоминать наши первые встречи, дни и недели нашей любви! Как хочется снова быть, говорить и дышать, засыпать и просыпаться рядом с тобой! Хочется, чтобы наша любовь не закачивалась!

А пока ставлю многоточие... и лечу к тебе.

Встречай!

Твой Саша

11 августа 2014

Тетрадь 2. Первые шаги

Письмо 13. Серебряная свадьба

Вот и отшумела, отзвучала, отлетела вдаль наша серебряная свадьба. Что за чудный был день! Радостный и неповторимый, и, самое главное, мы встретили его всей семьей. С нашими дорогими дочурками Настей и Сашей, которые постарались сделать все для того, чтобы праздник удался. И, конечно, низкий поклон гостям, которые от всей души поддержали нас в том, чтобы наш юбилей не был похож на «негаснущий костер», а полыхнул в полную силу, как настоящая свадьба, веселая и шумная, но теперь еще более осознанная и долгожданная. Все же мы ждали ее четверть века!

И снова я не мог не удивиться очередному поразительному совпадению. Известно, что в переводе с греческого твое имя Ирина означает «Мир», и кинотеатр, рядом с которым мы когда-то судьбоносно встретились, также назывался «Мир», и ныне наш серебряный юбилей мы отметили в клубе с таким же названием.

Еще больше удивила меня судьба первых писем, которые я напечатал в виде небольшой брошюры и, когда юбилей достиг своей кульминации, вручил тебе. Будучи уверен в том, что, пока ты ее не прочитаешь, никто этих писем не уви-

дит. Но случилось то, о чем я даже не мог мечтать. Ты обошла с моим подарком гостей и щедро одарила, раздав все двадцать экземпляров. После чего, как оказалось, некоторых ждала бессонная ночь. Поскольку, прочитав первое из писем, они не смогли заснуть до тех пор, пока не дочитали книгу до конца.

Так или иначе, первый отзыв я получил уже следующим утром. Это была смс-ка Наташи Шутович, и я несказанно рад, что ее отзыв оказался благожелательным. Позже, обзванивая друзей, я не раз слышал слова благодарности, как за сам юбилей, так и за подаренную книгу. Неожиданно мои воспоминания оказались нужны друзьям не меньше, чем мне самому.

Почему? Пока я этого не знаю, лишь догадываюсь, что, читая о наших встречах, они вспоминают о своих переживаниях, радостях и надеждах, свою историю любви, неповторимую и в то же время похожую на то, что мы с тобой чувствовали и переживали. И потому – надеюсь, ты меня поймешь – я решил продолжить нашу переписку, вспоминая год за годом, день за днем самые примечательные события нашей жизни, чтобы со временем подарить тебе новую книгу писем и, может, даже не одну. Впрочем, не буду ничего обещать, и, просто, буду вспоминать и записывать, а дальше, как Бог даст.

Чу! Однозвучно пропел домофон. Это вы с Сашей возвращаетесь из музыкального колледжа. Лаки уже услышал ваши

шаги и приветливо виляет хвостиком у двери, а я тороплюсь, стучу по клавишам, чтобы, в отличие от него, не встретить вас, а, наоборот, успеть попрощаться.

Надеюсь, до завтра!

5 сентября 2014

Письмо 14. Жизнь как времена года

Добрый день, моя хорошая!

А день, поистине, добрый – радостный, сухой, теплый. Похоже, на Вятку вернулось лето. Только на этот раз «бабье» – короткое, с холодными ночами и первыми заморозками, интеллигентно напоминающими о том, что настоящее лето уже прошло, осень стоит у порога, а дальше еще пара недель и в окна постучится зима. Придет, насядет, придавит морозами, завалит снегом, накроет темнотой на целых полгода, а то и больше – до самой Пасхи, на которую у нас, северян, вся надежда. Потому что, сколько бы обещаний не раздавала ранняя весна, а сбудутся они только после этого праздника.

Если я спрошу, какая пора сейчас за окном, ты, должно быть, удивишься: «Что за вопрос? Сентябрь, начало осени». Хорошо! Тогда я задам вопрос иначе. Если всю жизнь принять за один календарный год, то, что сейчас за окном? Интересно? Хочешь, вместе посчитаем?

Как это сказано у Псалмопевца: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет» (Пс. 89, 10). Поразительно, но за три тысячи лет почти ничего не изменилось! Люди живут, в среднем, все те же семьдесят или восемьдесят лет, разделив которые на двенадцать месяцев, при самом оптимистичном раскладе, мы получим пери-

оды продолжительностью, примерно, в семь лет. В этом случае, «январь» будет заканчиваться тем, что мы идем в школу (7 лет), «февраль» – вручением паспорта (14 лет), «март» – совершеннолетием (21 год).

Принято считать, что к концу «апреля» (28 лет) надо выйти замуж и родить малыша. К концу «мая» (35 годам) «весна» нашей жизни, она же молодость, заканчивается, и наступает «лето» – пожалуй, самое любимое всеми время – которое длится до конца «августа», то есть примерно до 56 лет. После чего неизбежно приходит «осень», и, если повезет, на рубеже 70 и 80 лет тебе удастся захватить начало зимы, а некоторым счастливицам – например, таким, как твоя бабушка Ираида – дожить до конца февраля и в возрасте 98 лет встретить новую весну.

Если это так, как я описал выше, то сейчас, когда мне 47, у меня, в самом разгаре «июль». Самый жаркий и солнечный летний месяц, время отпусков, поездок и путешествий, новых впечатлений, мыслей и открытий.

Что дальше? Дальше «август», и в самом его начале – 50-летие, удивительным образом совпадающее с Ильиным днем, в который «до обеда лето, а после обеда осень», и, видимо, так говорят не зря. Поскольку принято считать, что после пятидесяти жизнь уже не та, что прежде. И все же не будем грустить, потому что август – еще вполне летний месяц с длинными вечерами, потрясающими рассветами и грибным дождем. Преддверие «осени» – жатвы, уборки урожая,

когда каждому из нас предстоит пожать, что посеял. Причем как в прямом, так и в переносном смысле.

Если продолжить эту аналогию, и попробовать применить к тому, как мы встретились, и что нам было дано пережить, то можно сделать ряд интересных наблюдений.

Когда мы поженились, мне было 22, а тебе – 19 с половиной. В моей жизни начинался апрель. В твоей заканчивался март. Нас закружила ранняя весна. По крайней мере, по моим ощущениям, это было именно так. Я остро ощущал, что в моей жизни наступило время перемен. Вокруг все время что-то оттаивало, капало, звенело и периодически кружило голову. Как бывает, когда после долгой зимы выходишь на свежий воздух и вдыхаешь всей грудью и весну, и апрель, и саму жизнь.

Известно, что апрель – время подготовки к севу. Таким он выдался и для меня. Этот период (21—28 лет) вместил множество событий: наше знакомство и свадьбу, окончание института, рождение Насти, переезд в Кстинино и работу в сельской школе. Однако из нынешнего «прекрасного далека» видно, что все это было лишь подготовкой к моему будущему служению в Церкви. Причем это судьбоносное предложение, так круто изменившее нашу жизнь, владыка Хрисанф сделал в августе 1996 года, когда на моем «жизненном календаре» были первые дни «мая» – время, когда земледельцы приступают к севу. Вот уж, попал, так попал!

После чего началась «страда» – самая горячая пора, са-

мые сложные и насыщенные событиями годы, вместившие работу в администрации области, рукоположение в сан священника, первые годы секретарства, возрождение Предтеченского храма, защиту диссертации, рождение Александрушки, создание православной гимназии и твою работу в ней, Настину учебу, мамину болезнь, выход папы на пенсию и много еще чего другого. Словом, лучше не скажешь – это была страда!

Не скажу, что после 35 лет, когда в моей жизни наступило «лето», дел поубавилось, и все же продолжать дело легче, чем начинать. К тому же, как земледелец радуется первым всходам, так и у тебя, если не бездельничал, на этом этапе появляется возможность порадоваться первым результатам своих трудов и выделить время для отдыха, веселых гуляний, игр и хороводов. В нашей жизни было также. Причем, с 2002 по 2009 год, нам удалось «поводить хороводы» не только в Вятке и Никульчино, но также в Анапе и Алуште, Болгарии и Франции. Нет, что ни говори, а первый месяц нашего «лета» выдался замечательным!

Что касается «июля», то, думаю, давать оценку рано, потому что он еще не закончился. Казалось бы, июль – макушка лета, и ожидать от него можно только хорошего. Да только лето бывает разным, особенно, в наших северных широтах. Было также и в нашем «июле» – кончины владыки Хрисанфа и моей мамы, бабушки Ираиды и тестя Юрия Ивановича, дорогих моему сердцу о. Петра, о. Николая, о. Германа,

болезнь папы, перевод из Предтеченского в Феодоровский храм. И все же, чем хорош этот месяц, в нем непременно случаются жаркие, по-настоящему летние, солнечные дни. Их, просто, не может не быть! Надеждой на это и живем.

Что впереди? Если следовать описанной выше схеме, впереди «август» и, следовательно, «жатва». После чего наступят «сентябрь» и с ним «дожинки», когда надо будет дожать и дособирать на «поле нашей жизни» то, что раньше казалось неважным. Поскольку же в сентябре каждый второй день с дождем, то, как не крути, также придут болезни и потери. Но ведь будет и бабье лето! Обязательно будет!

Да и кто сказал, что нам уже никогда больше не копать, не боронить, не сеять новые мысли и новые дела? Ведь «октябрь» и «ноябрь» – вполне подходящее время для того, чтобы сеять «озимые», которые взойдут и прорастут уже при детях и внуках. Им и убирать новый урожай. А наше дело – не взирая ни на что, без уныния и устали сеять и сеять. В вечность, в ту новую жизнь, которая наступит, когда стрелки на наших часах пробьют полночь, и, вслед за последним днем «декабря» наступят новый год и новая жизнь.

И все же не будем торопиться, и, пока не настало время «жатвы», давай, встанем пораньше, пойдем по грибы и ягоды, прислушаемся к пению птиц, залюбуемся плывущими по небу облаками, прижмем к груди дочурок, позовем на шашлыки родных и друзей, чтобы разделить с ними эти удивительные дни – дни нашего серебряного юбилея.

6 сентября 2014

Письмо 15. Листая свадебные фотографии

Привет моей Половинке!

Какие дивные стоят дни! Настоящее бабье лето. Сегодня шел из храма по набережной и не мог отвести глаз от всей этой красоты. Кажется, можно бесконечно любоваться ясным и высоким небом, спокойной, хотя и сильно обмелевшей рекой, начинающим краснеть Красным бором, который уже через неделю сможет оправдать свое название, а также прозрачными, убегаящими за горизонт далями, слегка подернутыми золотом осени. Во всем красота и покой. Тихое и безмолвное житие Бабьего лета.

Кажется, в такие дни совершенно нельзя работать. Можно лишь, не спеша, гулять и обдумывать пережитое, беседовать о чем-то возвышенном и прекрасном, благодаря Бога за осень и эту красоту. Поэтому так жаль, что сегодня у тебя – шесть уроков, и после них – еще что-то и еще что-то, и так до позднего вечера, который ныне уже в седьмом часу превращается в ночь.

Видя это, вспоминаешь, как всего лишь пару месяцев назад, захватив Лаки, мы до полуночи гуляли по улочкам садового товарищества, и наш маленький друг испуганно поджимал хвост и пугался каждого пенька, и все же не просился

домой. Как будто понимал, что эти теплые и светлые, почти белые в наших краях ночи не будут длиться вечно.

Вчерашний день мы снова провели на даче. Уже не для того, чтобы позагорать и вдоволь накупаться, но начать подготовку к зиме, к прощанию с садом. Убрали перцы, подрезали кусты, собрали яблоки, скосили траву, вылили воду из бочек, обильно полили яблони и дубок, который я посадил на очередную годовщину нашей свадьбы. А еще мне удалось порадовать тебя последними вишенками, которые, каким-то непостижимым образом нас дождались.

Когда-то Олег Митяев спел: «Лето – это маленькая жизнь». Как это точно! И вот ты вешаешь на дом висячий замок, спускаешься с крыльца, в последний раз оглядываешься назад и, закрыв калитку на крючок, отправляешься в новую жизнь по имени «осень».

Возможно, живи мы на Кипре или иной Чунга-Чанге, где круглый год лето, мы смотрели бы на это проще. Но жизнь в наших широтах, когда в течение календарного года ты проживаешь целых четыре «маленьких жизни», невозможна без рефлексии. Неслучайно наша культура буквально пронизана воспоминаниями о прошедшем лете, детстве и любви. Благодаря чему «Доктор Живаго» Пастернака и «Зеркало» Тарковского могли быть задуманы, написаны и сняты только в наших широтах.

И вот о чем я подумал! Если в России в течение года мы проживаем не одну, а целых четыре «маленьких жиз-

ни», то наша серебряная свадьба – это вековой юбилей! Уже «сто лет, сто зим» мы вместе просыпаемся и засыпаем, пьем чай и собираемся на работу, провожаем и встречаем, работаем и отдыхаем, делимся тем, что передумано и пережито. И от этого я ничуть не устал, но, напротив, хотел бы прожить с тобой еще сто зим и сто лет. Как говорится, от венца и до конца.

– Ну, вот разбежался! – скажешь ты. – А ведь сам все еще не описал нашу свадьбу, и я уже даже начала сомневаться, помнишь ли о том, что женат? Если забыл, могу напомнить!

Помню, дорогая! Еще как помню! Хотя это случилось не только в прошлом веке, но и в прошлом тысячелетии. В пятницу 25 августа 1989 года, которая стала днем рождения нашей семьи.

Более того, помню, как однажды, ты спросила, почему я решил жениться, и я ответил, что, просто, мне надоело каждый день ездить через весь город к тебе в гости, теряя при этом целую кучу времени. Конечно, это была шутка, и все же мне, действительно, было жаль времени, которое, будь мы женаты, могли бы провести вместе.

Единственное, о чем я тогда жалел – что больше не увижу, как ты машешь мне рукой, пока я иду к автобусной остановке. До самого последнего мгновения, пока твое окно не скроется за кронами деревьев, растущих на школьном дворе. Даже сегодня я с легкой грустью вспоминаю эти мгновения, и, быть может, именно поэтому сам люблю, провожая тебя

и дочек, стоять в проеме двери и махать вам рукой.

Что касается нашей свадьбы, то, большей частью, я помню ее по старым, черно-белым фотографиям, которые до сих пор лежат в запыленном дипломате, задвинутом за шкаф в Сашиной комнате. Задумавшись над тем, почему до сих пор мы не оформили их в отдельный альбом, я решил – может, потому, что наша свадьба все еще не закончилась, но, спустя четверть века, плавно перетекла в серебряный юбилей и дальше, дай Бог, также перетечет в юбилей золотой.

Ну, вот! Опять я размечтался!

Если расположить эти фотографии в хронологическом порядке, то получится весьма любопытный репортаж. На первой из них изображена «группа поддержки жениха» – я, мой папа Геннадий Михайлович, свидетель на свадьбе Володи Сизов и мой школьный товарищ Лева Подлевских. Мы вышли из подъезда и стоим около свадебной «Чайки», которая в те годы была весьма редкой «птицей». Настолько, что «силки» на нее нам пришлось ставить еще в начале лета. Судя по бликам на асфальте, он обильно полит дождем. Что поделаешь, август! Помню, как гости шептали: «Это к деньгам!». Но пророчество не сбылось.

Мне – 22, меньше, чем сегодня Насе. Папе – 44, меньше, чем мне сейчас. Папа красив и импозантен. Видно, что наша свадьба для него – нерядовое событие, о чем напоминает знак «Заслуженного работника культуры», блестящий на лацкане парадного пиджака. Как генеральный спонсор на-

шего торжества, папа настоял на «Чайке», лучшей для того времени свадебной машине и «Встрече», лучшем в городе кафе, а также на том, чтобы на нашу свадьбу были приглашены друзья семьи – знакомые деятели культуры, каждому из которых он дал роль. Все, что на мне – костюм, рубашка и ботинки – тоже от папы. Но скромный букет, что я держу в руках – от меня. Тем утром я сам сгонял за ним на городской рынок и купил на честно заработанные в стройотряде деньги.

Что касается моих спутников, тебе они хорошо знакомы. Со временем Володя Сизов станет доктором сразу нескольких наук, ректором института. Лева Подлевских – кандидатом исторических наук, подполковником внутренней службы. Вместе со мной, протоиереем и историком, из нас получится такое «священно-военно-научное трио». Но это спустя годы, а пока фотограф запечатлел трех студентов и, если бы его аппарат был также рентгеном, нашел бы в наших карманах только 3 рубля 50 копеек. Что, даже в ценах 1989 г., было почти ничем. Почему? Чтобы это объяснить, надо перейти к следующему снимку.

Подъехав к твоему дому и войдя в подъезд, уже около первой ступеньки мы были решительно остановлены стороной невесты, от имени которой твоя подруга и свидетельница Наташа Шутович объяснила, что отныне для нас каждый шаг будет сопровождаться творческими заданиями и конкурсами. Победил – проходи, проиграл – плати. Вот тут-то мы

и хлопнули по пустым карманам и, переглянувшись, твердо решили, что, в случае провала, будем брать высоту с боем.

К счастью, делать этого не пришлось, так как наши скромные сбережения закончились, в аккурат, у дверей твоей квартиры, где снова нас поймал фотограф. Точнее, каким-то непостижимым образом ему удалось поймать, как глазами я, буквально, прорычал Наташке: «Пр-р-ропусти!», и сегодня уверен, это было первое в истории смс-сообщение, отправленное телепатическим способом. Наташка уступила. Свадьба была спасена.

На следующих фотографиях видно, как непросто дались мне последние метры – гости уже веселятся, а я стою рядом с тобой, заземлив взгляд и сжав пальцы рук. Так, словно меня прошило ударом молнии. И лишь на снимке, сделанном полчаса спустя, на выходе из подъезда, я почти адекватен и даже пытаюсь улыбаться. Шок прошел.

Р. С. Вспоминая свадьбу, я настолько увлекся, что достал из пыльного дипломата свадебные фотографии, сел за сканер и оцифровал все сделанные в тот день снимки, а их более семидесяти. Затем листал эти снимки на экране монитора, приближал и увеличивал детали, вглядывался в лица, рассматривал наряды и прически, ловил взгляды и улыбки, и, кажется, даже краем уха слышал шум улицы, шелест листвы и звучащие вокруг голоса.

Долго пытался вспомнить, кто смог все это запечатлеть. Профессионального фотографа мы не заказывали, а из го-

стей всерьез увлекалась фотографией тогда только Люда Черняткина, и, поскольку она запечатлена лишь на одном из снимков, полагаю, что вся фотосессия – ее рук дело. Так или иначе, поклон скромному и талантливому мастеру, который сохранил этот день для вечности и при этом остался незаметным. Очень по-христиански.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.